

XXI века на Урале действует сеть академических и вузовских учреждений по истории, ведется подготовка аспирантов и докторантов, имеются специалисты практически по всем разделам отечественной и зарубежной истории, археологии и этнологии, источниковедении и историографии, археографии и другим вспомогательным историческим дисциплинам, методологии истории.

Земцов В.Н.

**Микроистория и перспективы изучения
Отечественной войны 1812 года**

В изучении Отечественной войны 1812 года уже давно сложились свои традиции, привычные темы, привычный набор методологических подходов и технических приемов. По большей части, они связаны с достаточно традиционными представлениями о ремесле историка, и соотносятся прежде всего с позитивистским взглядом на мир и его прошлое. Именно в этом ключе написаны наиболее известные работы М.И.Богдановича, статьи к 7-томному изданию «Отечественная война и русское общество», книги Е.В.Тарле, Л.Г.Бескровного, П.А.Жилина и даже Н.А.Троицкого. В основу методологического подхода этих авторов положена принципиальная идея о познаваемости прошлого с помощью ряда известных «технических» приемов, а именно – через обращение к так называемым «достоверным источникам», через их убедительное соединение и сопоставление, через использование частных, деталей для иллюстрации и подтверждения общих, в сущности, социологизированных схем. Нет сомнения, что и дальше эта традиция будет развиваться. Однако все же стоит обратить внимание на то, что эта стратегия развития науки о 1812 году имеет два важных ограничителя: первым является ограниченность источниковой базы (при чисто позитивистском отношении к понятию «источник»), вторым – пределы верификации, проверки полученных выводов.

Все более глубокое осознание историками, в том числе военными историками, ограниченности позитивистского восприятия прошлого, привело в последние 15 лет к своего рода «антропологическому повороту». Другими словами, исследователей сегодня все более интересуют, во-первых, мысли, чувства, коды поведения и отклонения от них людей разных общественных горизонтов, а, во-вторых, соотношение своего рода «субъективной» стороны событий со стороной «объективной». Ярким примером такого рода поворота в нашей науке к «человеку воюющему» стал ряд значительных исследований, конференций и, с 2000 г. – регулярные «круглые столы» под названием «Военно-историческая антропология», проводимые Институтом российской истории РАН.

Анализ тематики ряда конференций последних лет, посвященных изучению войны 1812 года (конференций, ежегодно организуемых Государственным Бородинским военно-историческим музеем-заповедником, Малоярославецким военно-историческим музеем 1812 года, музеем-панорамой «Бородинская битва», конференций в Саратове и в Вологде в 2002 г.), позволяет надеяться, что такой поворот происходит и в изучении этой войны: от разбора чисто военных действий, вклада промышленности, мы все более перемещаемся в «человеческое» измерение. А это с неизбежностью выводит нас на интереснейшую систему методологических подходов, условно называемых микроисторией.

Не останавливаясь специально на особенностях микроисторических подходов, свойственных различным национальным традициям, все же отметим, что для французских исследователей этот поворот к микроистории, кажется, был наименее резким. «Анналисты» начали его давно. Так, еще Ф.Бродель в работе «Средиземное море и мир Средневековья эпохи Филиппа II» (1949) попытался совместить разные временные срезы: время истории «неподвижной» (*long durée*), время средней длительности (историю социальную) и краткосрочные структуры истории событийной. А Ж.Дюби в книге «Бувинское воскресенье. 27 июля 1214» (1973), посвященной событию одного дня, сражению при Бувине, смог наложить чисто событийный материал на широкий контекст материальных, социальных и политических процессов. Наконец, в чисто микроисторическом ключе была выдержана работа С.Лорига «Солдаты. Лаборатория дисциплины: пьемонтская армия XVIII века» (1991).

Методологические споры вокруг микроистории привели сегодня в среде отечественных исследователей к появлению двух полярных точек зрения. Одна из них, представленная М.А.Бойцовым, сводится к тому, что кроме микроистории («истории в осколках») в сущности вообще ничего нет; другая – сформулированная Н.Е.Копосовым – утверждает, что существование самой микроистории невозможно, так как она отрицает социологическую основу исторической науки, превращая последнюю в беллетристику. Полагаем, что обе точки зрения чересчур категоричны, ибо отвлечены от специфики конкретных исторических исследований. Микроистория обладает великими возможностями, которые, однако, не следует абсолютизировать. Опираясь на свой скромный опыт, выскажем следующее суждение: решение проблемы применимости или неприменимости микроисторических подходов заключается в том, чтобы не оставлять микроисторические сюжеты в одиночестве, но вписывать их в более широкий социологизированный, либо «ментализированный», контекст. Работая над проблемой «Великая армия Наполеона в Бородинском сражении», в том числе и в микроисторическом разрезе, мы пришли к следующей, наиболее, на наш взгляд, органичной архитектонике исследования.

1. Первоначально были проанализированы наиболее устойчивые элементы исторического прошлого. В нашем случае они оказались представлены структурами исторической памяти разных народов о Бородине. Оказалось, во-первых, что взгляд на историческое событие оказался, в сущности, порожден неким состоянием души его участника, а, во-вторых, обусловлен колебаниями в последующей истории того или иного народа, принимавшего участие в битве или наблюдавшего за битвой со стороны. Главным оказалось все-таки состояние души участников сражения. В сущности, прошлое пыталось донести до нас тот смысл события, который был наиболее близок его участникам. Весь последующий за этим характер диалога между теми, кто принимал участие в сражении, и теми, кто выступил в будущем толмачем, рассказчиком, был предопределен еще в 1812 г. В ходе этого диалога разворачивались те многочисленные смыслы происходившего, которые изначально уже тогда, под Бородином, присутствовали в «свернутом виде».

2. Вторым историческим срезом стал уровень среднесрочных временных структур, представленных, в сущности, привычной «онаученной» социологизированной историей. Правда представлена она оказалась в разных ракурсах и стала выглядеть наподобие того, что историки нередко называют тотальной историей. Именно этот – среднесрочный срез – стал своего рода мостиком, должным соединить длительные структуры исторической памяти и то, что называется микроисторией.

3. Третий уровень исследования, вобравший в себя мириады частных случаев, оказался представленным событиями нескольких дней. На этом уровне прошлое, выступая в виде микроистории, приняло подлинно «очеловеченный» образ. Присутствие живого человека прошлого неизбежно должно было обострить осознание окказиональности поступков людей. Люди начали действовать в «живом историческом поле», не зная еще, что будет «потом», а значит исходили не только из своих представлений о социально-должном, но и испытывали не поддающийся контролю взлет энергии и таланта, либо, наоборот, ощущая слабость и растерянность. В завершение этого «микроисторического блока» мы остановились на том, как в сознании людей-участников сражения стали оформляться представления о том, что же именно они недавно перенесли, как, и под влиянием каких факторов началось формирование национальной памяти. Таким образом, круг замкнулся – и от микроистории мы вновь обратились к структурам большой, вековой, длительности.

Итак, представляется, что совмещение микроисторических подходов с традиционной макро-исторической тематикой вполне возможно, и это открывает перед исследователями 1812 года новые горизонты. В сущности, та проблематика, которая ранее считалась явно маргинализованной, не заслуживающей внимания «большой» науки, сегодня становится востребованной как никогда. Частные на первый взгляд сюжеты, посвя-

щенные события, казалось бы, малозначительным, теперь приобретают новый смысл. Именно они, но не социологизированные схемы, должны постепенно заполнять контуры той картины, которая отражает грандиозную эпопею 1812 года. Представляется, что такой поворот в тематике Отечественной войны 1812 года сегодня уже начал обозначаться.

Дальнейшее изучение проблем 1812 года будет связано, во-первых, со значительным расширением источниковой базы. Это выразится не только в появлении в научном обороте ранее неизвестных нам комплексов документальных материалов, но и с принципиально новым подходом к самому пониманию источника как носителя разноплановой информации. Во-вторых, с широким использованием новых методов изучения прошлого – от количественных (примером могут служить работы Д.Г.Целорунго о русском офицерском корпусе) до микроисторических подходов. Особо следует отметить те перспективы, которые открывает перед нами герменевтика: новое прочтение старых документов заставит пристальнее отнестись и к ритму речи авторов документов, и к недоговоренности текстов. Должен пережить известный взлет и нарративный жанр. В рассказе прошлое как бы само собой обрисовывается в виде взаимодействия реальных участников события. Именно в этом – в ощущении реальности, достигнутом через повествование, – и заключается магия работ таких известных исследователей 1812 года, как А.А.Васильев и А.И.Попов. В-третьих, будут видоизменяться содержание и смысл историографических работ. От простой констатации факта, о чем именно писали историки, историографы займутся интерпретацией текстов путем воссоздания внутреннего мира их создателей, займутся проникновением в историческую и конкретно-психологическую ситуацию той эпохи, когда писались эти произведения. Пожалуй, ближе всех к такому пониманию историографии подошел в свое время А.Г.Тартаковский. Наконец, в-четвертых, как мы уже указывали, значительно расширится привычная тематика – историки будут переключаться на изучение историко-антропологических, ментальных процессов и процессов межкультурного взаимодействия. В этом, комплексном контексте, микроистория обретет свою значимость и для изучения войны 1812 года.

Постников П.Г.

Познавательные модели в историческом образовании

Историческое образование представляет собой единство процессуальной и содержательной сторон, которые отражают объект и способы познания исторического опыта. В современной исторической науке утверждается мысль о том, что для каждого этапа развития истории характерны свои познавательные модели. Познавательная модель характеризует связь объекта и субъекта в познавательном процессе. Представляет-